

Соколов Александр Федорович

канд. юрид. наук, заведующий кафедрой

Румянцева Полина Максимовна

студентка

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный

университет им. П.Г. Демидова»

г. Ярославль, Ярославская область

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты квалификации преступлений, связанных с хищением цифровой валюты. В условиях активного формирования нормативно-правовой базы регулирования цифровых активов в Российской Федерации особое внимание уделяется необходимости корректировки уголовно-правовых средств, направленных на предотвращение крипто-преступлений, тем не менее отмечается признание последней в судебной практике в качестве объекта гражданских прав – иного имущества. Важность адаптации правового регулирования к современным вызовам подчеркивается растущим использованием криптовалюты в трансграничных операциях. В рамках исследования была рассмотрена правовая природа цифровой валюты в контексте обладания доктринальными признаками предмета хищения в преступлениях против собственности. На этом основании сделан вывод о возможности рассмотрения криптовалюты как предмета хищения.

Ключевые слова: уголовный закон, цифровая валюта, криптовалюта, предмет хищения, правовой статус, ответственность.

Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» от 31.07.2020 №259-ФЗ изначально предполагал интеграцию цифровой валюты в финансовую систему и развитие этой отрасли в России. Однако финальный вариант закона отличается от изначальной концепции, предложенной авторами законопроекта. Законодателя спровоцировало отказаться от этой идеи

наличие специфических особенностей, присущих криптовалюте, таких как анонимность криптографического шифра, возможность переводов между странами и децентрализованная система блокчейна. Анализ Федерального закона №259-ФЗ и Гражданского кодекса Российской Федерации показывает, что криптовалюта, о которой пойдет речь в этой статье, до сих пор остаётся неопределённой категорией, несмотря на то что она признана цифровой валютой для проведения платежей. Тем не менее, в контексте некоторых федеральных законов, например, «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. №115-ФЗ, «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ, «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. №229-ФЗ, криптовалюта считается имуществом. Необходимо подчеркнуть, что в условиях отсутствия особого правового регулирования, действует общепринятый принцип «разрешено всё, что не запрещено», не препятствует использованию криптовалюты в операциях, проводимых во внешнеэкономической деятельности. Однозначным является вывод касательно возникновения существенных противоречий в случае незаконных посягательств на цифровые активы, а соответственно, и при уголовно-правовой квалификации, ввиду расплывчатости статуса криптовалюты [1, с. 109].

Актуальной проблемой является вопрос о квалификации криптовалюты как предмета хищения в контексте положений главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации. Интеграция цифровой валюты в финансовую систему и сопутствующая этому трансформация общественного сознания под влиянием цифровизации, которая неуклонно смещается в технологическую плоскость, привели к возникновению и быстрому увеличению числа случаев незаконного присвоения криптоактивов. По данным статистических исследований в 2023 году установлен рекорд по объёму украденных криптоактивов, число которых составляет 3,7 миллиарда долларов.

В уголовном праве принято выделять несколько ключевых характеристик предмета хищения, среди которых особое место занимают экономическая, юридическая и материальная составляющие. С точки зрения экономики,

определяющим фактором является стоимость и ценность предмета. Виртуальной валюте, в свою очередь, присуща возможность ее конвертации на фиатную валюту и наоборот, а равно, наличие установленного биржами курса, пусть даже подверженного быстрым изменениям. Кроме того, цифровая валюта служит инструментом для совершения торговых операций на спотовых, маржинальных и фьючерсных рынках на ряде интернет-платформ (Bybit, KuCoin, Gate.io, OKX и др.). Юридический признак, в данном случае, проявляется в наличие конкретного владельца криптовалютного кошелька, несмотря на то, что на первый взгляд, они кажутся анонимными, что обеспечивается при помощи специальных технологий и криптографических протоколов. С материальным признаком труднее. Хотя, с другой стороны, цифровой валюте присуща специфическая форма – собственный цифровой код, равным образом, как и безналичным денежным средствам [2, с. 221]. Последние в свою очередь признаются в судебной практике непосредственным предметом хищения (по пункту «г» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В настоящий момент, учитывая связь между уголовно-правовым и гражданско-правовым пониманием имущества и опираясь на положения статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно сделать заключение, что из-за отсутствия чёткого определения правового статуса криптовалюты в российском законодательстве, она не может считаться предметом преступлений против собственности. Вместе с тем, имеется судебная практика, в которой Девятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 15.05.2018 года по делу №А40-124668/2017 и постановлением от 18.04.2019 года по делу №А40-12639/2016, пришел к выводу, о том, что владелец криптоактива может осуществлять полномочия, близкие к полномочиям собственника имущества. Фактически признав право лица владеть, пользоваться и распоряжаться содержимым криптокошелька как своим собственным имуществом, при этом включив биткойны с указанного кошелька в конкурсную массу, за счет которой будут удовлетворяться требования кредиторов. В апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 16.05.2022 года по делу №1-257/21. содержится ещё один пример из

юридической практики, в котором криптовалюте присваивается правовой статус предмета преступлений против собственности. В упомянутом случае суд признал криптовалюту объектом хищения, квалифицировав похищенную криптовалюту как иное имущество согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Это означает, что она обладает как экономической ценностью, выраженной в ее способности удовлетворять потребности и служить средством обмена, так и материальным выражением в виде цифрового кода, который может быть сохранен и передан в электронном виде, что соответствует критериям предмета хищения. При этом стоимость криптовалюты была включена в общий размер ущерба.

Беря во внимание международный опыт, при этом оценивая положительную сторону придания единообразного статуса рассматриваемой в статье категории, стоит рассмотреть на примере правового регулирования цифровых активов Китая и Казахстана. Так, в КНР криптовалюты находятся под запретом, в том числе, национальной комиссией по развитию и реформам Китая (NDRC) майнинг криптовалют был внесен в черный список видов промышленной деятельности [3, с. 58]. Одной из основных причин запрета власти называют обеспокоенность касательно стабильности и безопасности финансовой системы страны, помимо этого запрет на криптовалюты связан с желанием контролировать движение капитала и предотвратить его отток из страны. Цифровые валюты предоставляют возможность для быстрого и анонимного перемещения больших сумм денег за границу, что может негативно сказаться на экономике Китая. Вследствие наличия соответствующих ограничений, поскольку криптовалютный рынок в Китае не урегулирован законодательством, интересы инвесторов остаются без гарантированной защиты. Примечательно, что одним из направлений, куда начали перебираться китайские майнеры со своими активами, стал ближайший сосед Китая Казахстан. В 2023 году там были приняты новые правила, закреплённые в законе Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года №193-VII ЗРК, согласно которым криптовалюты признаны имуществом. Это решение вызвало значительный рост

инвестиций в Казахстане, поскольку государство обеспечивает эффективную защиту этой категории лиц.

Неопределенность правового статуса цифровой валюты и отсутствия ее закрепления надлежащим образом в российском законодательстве в качестве одного из объектов гражданских прав, сторона защиты подает апелляции на судебные решения, где криптовалюта выступила предметом хищения. В качестве основных аргументов, используемых адвокатами для обжалования решений являются, во-первых, то, что криптовалюта не признается имуществом, а является виртуальной валютой; во-вторых, нет определенного законом механизма установления размера криптовалюты, а установление правоприменителем стоимости криптоактива через различные биржи не обоснованно, в силу того, что криптовалютные рынки являются коммерческими структурами, ценообразование на которых складывается исходя из материальной заинтересованности последних.

Рассматривая экономический признак, действительно встает вопрос об определении размера криптовалюты, что является чрезвычайно важным на том основании, поскольку, от него зависит наличие состава преступления, а при его установлении и дальнейшая квалификация деяния. Так например, Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга по делу №1–95/2020 вынес обвинительный приговор по пунктам «а», «в» части 2, пункту «б» части 3 статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации. Судом, в ходе рассмотрения дела из обвинения было исключено вменение завладения криптоактивами, посчитав, что криптовалюта не может быть отнесена к электронным денежным средствам. В последующем решение суда первой инстанции было обжаловано на том основании, что криптовалюта в соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации относится к иному имуществу, и на территории Российской Федерации нет запрета на ее владение. В конечном итоге, кассационный суд общей юрисдикции направил дело на повторное рассмотрение в Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга, поскольку, в соответствии со статьей 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации и примечанию к статье 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации цифровые права относятся к

имущественным правам, и ввиду того, что нет законодательного закрепления криптовалюты, её обозначение в качестве иного имущества в обвинении допустимо. Таким образом, вопрос о правовом статусе цифровой валюты был решен, несмотря на наличие условий неопределенности позитивного регулирования. Однако открытой осталась проблема, связанная с определением размера. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 года №29, а именно, в абзаце четвертом пункта 25, говорится, что по общему правилу, размер похищенного имущества определяется исходя из фактической стоимости к моменту совершения противоправного деяния, в случае, если это сделать невозможно, то появляется необходимость обращения за заключением к эксперту для установления стоимости похищенного. Тем не менее, исходя из неопределенного правового статуса, криптовалюта применение данного положения в приведенной ситуации вызывает ряд проблем. Во-первых, криптовалюта обладает высокой волатильностью, что не позволяет достоверно установить стоимость похищенного на момент совершения преступления. Во-вторых, отсутствует методика исчисления, а также субъект, уполномоченный в законодательном порядке, на дачу заключения касательно размера причиненного ущерба. Вынужденным является признание таковым сотрудников фондовых бирж, аналитиков и прочих [4, с. 835]. В силу своей экономической заинтересованности их заключение не будет обладать объективностью и достоверностью, требуемой от эксперта и необходимой при установлении размера похищенного для надлежащей квалификации деяния [5, с. 26].

Возвращаясь к оценке цифровой валюты на наличие доктринальных и используемых в правоприменительной деятельности признаков предмета хищения, учитывая особенности криптовалюты, необходимо отметить, что данная категория обладает экономическим, материальным и юридическим признаками. Вследствие этого представляется логичным классифицировать криптовалюту как разновидность иного имущества в соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации и, следовательно, признать её предметом хищения согласно положениям главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Долгиева М.М. Цифровые активы и уголовное законодательство России / М.М. Долгиева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – №1 (45). – С. 108–113. – DOI 10.24411/2078-5356-2019-10115. – EDN IBEUCA
2. Коренная А.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты / А.А. Коренная // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №3. – С. 220–223. – EDN XSNG LJ
3. Серeda А.В. Осуществление расчетов при помощи виртуальных валют в РФ: анализ первого правоприменительного опыта / А.В. Серeda // Современный юрист. – 2017. – №2. – С. 57–64. – EDN YURQRP
4. Martin J. Drugs on the dark net: how cryptomarkets are transforming the global trade in illicit drugs // The British Journal of Criminology. 2015. Vol. 55, iss. 4. P. 835–836.
5. Solovev O.G., Malakhov M.A. Features of legal regulation of cryptocurrency turnover in foreign countries // Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары, 2021. – С. 25–27. – EDN DDZGLE